

ИСТОРИЯ ЭВОЛЮЦИОННОЙ БИОЛОГИИ В КОРОЛЕВСТВЕ КРИВЫХ ЗЕРКАЛ

В четвертом номере ВИЕТ за 1992 г. опубликована статья кандидата технических наук, старшего научного сотрудника Института истории естествознания и техники РАН Ю. В. Чайковского «О классиках и комментаторах». В ней автор на основе попавших к нему в руки «почти одновременно» [1, с. 137] нового академического издания «Происхождения видов» Ч. Дарвина [2] и сборника статей и писем А. А. Любищева [3], изданных в России, а также двух работ американских историков науки: «Дарвин в русской мысли» А. Вучинича [4] и «Мальтус без Дарвина. Борьба за существование в русской эволюционной мысли» Д. Тоудеса [5] — делает вывод о тяжелом кризисе российской истории науки.

Многочратно ранее переиздаваемый труд Дарвина вышел после сорокалетнего перерыва в заново отредактированном переводе. Он снабжен объемистым справочным аппаратом, и, самое главное, впервые русский читатель может проследить здесь многолетнюю работу Дарвина над текстом книги, оказавшей огромное влияние на развитие человеческой мысли. В сборнике статей и писем А. А. Любищева впервые опубликованы его исследования, посвященные трагическим событиям в истории нашей биологии. Большинство из них до сих пор было неизвестно читателю. Оба издания — заметное явление в историко-научной литературе, именно поэтому они заслуживают самого серьезного рассмотрения и оценки. Сделано ли это в рецензии? Обратимся к аргументации автора.

Удивительно, какое обилие вопросов и проблем удалось поставить Чайковскому в столь сжатой публикации. Суждения об исторических судьбах дарвинизма, взаимоотношениях российского дарвинизма с другими областями эволюционной мысли, с государством и т.д. сопровождаются лишь одной сквозной идеей: жалобой на игнорирование собственных работ автора и трудов его кумиров в отечественной и зарубежной литературе. Останемся только на главном. При этом будем в основном стараться следовать за ходом его изложения.

В центре критического запала оказалось издание Дарвина, в котором автору обзора не нравится все — от первых слов предисловия до именного и предметного указателей. Прежде всего о переводе. На протяжении почти 130 лет идет поиск изложения на русском языке весьма непростого, даже для англичан, труда Дарвина. В разные годы в этой работе участвовали биологи и палеонтологи К. А. Тимирязев, М. А. Мензбир, А. П. Павлов, И. А. Петровский — практически современники викторианской биологии. Впоследствии этим занимались генетик Н. И. Вавилов, историки биологии А. Д. Некрасов и С. Л. Соболев, эволюционист А. Л. Зеликман. Историк биологии Я. М. Галл, зоолог Я. И. Старобогатов, ботаник А. Л. Тахтаджян, а также ныне покойная Ф. И. Кричевская (имевшая шестидесятилетний опыт редактирования биологической литературы, прерванный только пятилетней отсидкой в сталинских лагерях) лишь продолжили труд многих поколений. Этот путь нелегок в значительной степени из-за нечеткости теоретических взглядов самого Дарвина и его постоянных колебаний. В то же время согласиться с предложением Чайковского перевести «inheritance» как «наследуемость» [1, с. 137] не можем. В мировой литературе для понятия «наследуемость» есть специальный термин «heritability». Но предлагаемый Чайковским перевод «inheritance» как «наследование» и даже как «наследуемость» ничего не меняет в понимании Дарвина. И не ясна фраза о том, что в случае перевода «inheritance» как «наследственность» «опасная проблема наследуемости приобретенных признаков как бы снимается» [там же]. Для кого эта проблема опасна? Ведь в любом учебнике написано, что Дарвин, впрочем как и подавляющее большинство биологов его времени, принимал гипотезу о наследовании приобретенных признаков, отводя, правда, ей разное место в своих работах, написанных в разные годы. Бесспорна мысль Чайковского о необходимости смотреть каждый раз при переводе термина «inheritance» по контексту. Нам представляется опыт зоолога, ботаника, историка науки и профессионального редактора столь же ценным, как и суждения Чайковского.

Странно утверждение Чайковского, что в случае перевода «naturally selected» как «селектирована природой» или «естественно селектирована» возникает его важное смысловое отличие от предлагаемого в [2] перевода «подвергнется естественному отбору» (с. 23). Если раскрыть факсимильное издание Дарвина [6, с. 5], то станет ясно, что сам Дарвин таких различий не видел. И без всяких пояснений сразу после выражения «естественно селектируемый» перешел к понятию «естественный отбор». То же самое делали и последователи Дарвина. Возможно, у Чайковского есть свои соображения по данному вопросу, но вряд ли он будет возражать, что понятие, введенное тем или иным ученым, должно использоваться в том содержании, которое этот ученый в него вкладывал.

Останемся еще на одном выводе Чайковского, связанном с разными переводами Дарвина. Не возражаем против перевода того места из автобиографии Дарвина, где говорится об обстоятельствах знакомства с трудами Мальтуса [1, с. 139]. Но даже если принять истинность всех высказываний позднего Дарвина о том, как выработывалась гипотеза естественного отбора, из фразы «мне случилось для развлечения читать Мальтуса» [там же] никак не следует, что Дарвин не дочитал до конца статистический двухтомник. Еще более смелым предположением является утверждение, что, дочитав до конца труд Мальтуса, Дарвин «не стал бы разрабатывать идею естественного отбора» [там же]. Здесь автор, вероятно, «проник» в духовную лабораторию Дарвина, что не допускает и мысли о возможности различных увлечений у английского натуралиста XIX в. и самого Чайковского.

Две опечатки в именном указателе и пропуск усонюгих раков в предметном, естественно, не украшают издание. Но для любого, кто имел дело с подготовкой рукописи к печати, ясно, как сложно при нашей технической оснащенности избежать подобных огрехов. Доверяя тщательно проведенного Чайковским просмотром справочного материала книги, можно поздравить всех причастных к ее выпуску с большим успехом. Всего две опечатки и один пропуск в указателях, содержащих более 400 имен и около 700 терминов, — это намного меньше, чем предусматривает теория ошибок. К тому же упрек в пропуске усонюгих раков, мягко говоря, не по теме, так как редакторы и не ставили своей целью дать указатель объектов исследования.

Мы не считаем рекомендацию Чайковского сравнить наряду с шестью английскими прижизненными изданиями «Происхождения видов» два американских, одно немецкое и одно французское. Привлечение переводов только затруднило бы всю работу, так как не позволило бы отделить пометы Дарвина от нововведений переводчиков. Кроме того, непонятно, почему речь идет лишь об этих переводах. Ведь только в Германии при жизни Дарвина вышло несколько изданий Г. Бронна и В. Каруса, каждое из которых сверялось с соответствующими изданиями «Происхождения видов».

Мы не собираемся вступать в дискуссию о соотношении объема и материалов первого издания «Происхождения видов» и длинной рукописи «Естественного отбора» [7], выпущенной Р. Стауфффером в 1975, а не в 1974 г., как указывает Чайковский, с использованием терминов «больше» и «меньше». Согласно Стауффферу и Галлу [7, с. 10; 2, с. 471], рукопись «Естественного отбора» содержит 225 000 слов, в то время как извлеченное из нее «Происхождение видов» — 155 000. Не повторяя всех подсчетов, мы в качестве проверки определили количество знаков в главах «Вариации (изменчивость в природе)» и «Естественный отбор» и получили следующие данные для рукописи «Естественного отбора» книги «Происхождение видов»: 226 000 и 30 000 знаков в главах об изменчивости и 172 000 и 94 000 — в главах об отборе. Даже если учесть неизбежные погрешности этого расчета, то такие расхождения необъяснимы размахистостью почерка Дарвина, о котором говорит Чайковский.

Историк биологии Д. Кон [8] сравнил эти тексты и пришел к выводу о том, что, несмотря на сходство, между ними существуют и различия. Так, например, ключевые положения теории Дарвина о важнейшей роли индивидуальных различий в процессе естественного отбора обосновываются в «Происхождении видов» лишь несколькими примерами, а в «Естественном отборе» этой теме посвящено 30 страниц, буквально усыпанных примерами из разных областей биологии. А вот принцип дивергенции, выводимый Дарвином как следствие принципа многообразия, изложен в некоторых местах рукописи весьма компактно, тогда как в «Происхождении видов» такой компактности нет. Знатоки и исследователи дарвиновских архивов Д. Осповат [9] и Д. Кон [8] не сомневались в том, что если бы Дарвин полностью реализовал свой замысел, то рукопись выросла бы вдвое. К этому заключению они пришли после тщательного изучения в архивах огромного массива заготовок для будущих глав. Мы не знаем, сколько времени Чайковский листал «Естественный отбор», но хотелось бы услышать более веские аргументы в пользу полного сходства длинной рукописи и первого издания «Происхождения видов», чем мимолетные ссылки на многословие Дарвина и его размахистый почерк.

Странен упрек в нецитировании в сопроводительных статьях и комментариях всей литературы по данному вопросу. Только за последние 30 лет она пополнилась сотнями названий. Среди них немало и «вторичной» литературы. Говоря о пробелах в списках литературы, нельзя забывать, что задача состояла прежде всего в том, чтобы дать читателю ставший уже библиографической редкостью классический труд Дарвина, а не сведения о комментаторах и исследователях его творчества.

И последнее о претензиях Чайковского к новому изданию «Происхождения видов». Кому-то может нравиться, а кому-то нет статья Тахтаджяна «Дарвинизм и современная теория эволюции», но нельзя требовать от него цитирования авторов, милых сердцу рецензента. А строить с потугами на психоанализ [1, с. 140] гипотезы о причинах отсутствия таких цитат — беспрецедентный случай в истории науки. Увериться в «окончательном» решении загадки «происхождения цветковых» должен не только Чайковский, но и прежде всего специалисты-палеоботаники. Удивительно и то, как в книге «Развитие эволюционной теории в СССР», вышедшей в 1983 г., могли быть учтены публикации С. В. Мейена за 1984—1988 гг. В рецензии не указано, благодаря чему «именной указатель вопиет: названы мелкие и мельчайшие апологеты, а тех, кто фундаментально разрабатывал проблемы, поставленные Дарвином, в [1] чаще всего нет» [там же]. Но поскольку ни у Дарвина, ни в комментариях Галла и Старобогатова, ни в статьях Галла и Яблокова речь не идет об апологетах дарвинизма, то, видимо, упрек Чайковского относится к статье Тахтаджяна. Мы опять же не знаем, какой единицей измерения пользовался Чайковский при распределении по рангу апологетов Дарвина, как ему удавалось отделить мелких от мельчайших, однако автору стоило бы пояснить, кто дарвиновский апологет, а кто «фундаментально разрабатывал проблемы, поставленные Дарвином». Иначе складывается впечатление, что и взгляды самого Тахтаджяна на механизмы макроэволюции, которые, мягко говоря, не похожи на классический дарвинизм, и работы В. А. Красиловой, О. Шиндевольфа, Ю. П. Алтухова, Д. Н. Соболева, А. С. Фаминцына, С. Гоулда, В. Гарстанга, М. Кимуры, А. Келликера, С. Оно, С. Стэнли, Н. Элдриджа и многих других, упомянутые в статье Тахтаджяна, являются лишь апологетикой дарвинизма.

Статью А. В. Яблокова «Зарождение теории естественного отбора в записных книжках Ч. Дарвина» Чайковский характеризует как «досадное недоразумение» и, похлопав Яблокова по плечу («настоящий борец за спасение природы»), выносит ему приговор: «далек от дарвиноведения» [там же, с. 139]. Неужели Чайковский всерьез допускает, что ответственный редактор первой и пока еще единственной в нашей стране дарвиноведческой книги Н. Г. Рубайловой не знает школьных примеров о влиянии естественной теологии Пейли на создателя учения о естественном отборе или же не читал заключительной фразы «Происхождения видов» о творце, вдохнувшем жизнь в одну или несколько форм в начале эволюции [6, с. 490]! И здесь, возможно, обида на отсутствие ссылок на собственные работы побуждает к отлучению и Яблокова — одного из соавторов (с Н. В. Тимофеевым-Ресовским и Н. Н. Воронцовым) «Краткого

очерка теории эволюции», сыгравшего столь важную роль в восстановлении дарвинизма в нашей стране и изданного за рубежом, — от дарвиноведения, а по существу и от дарвинизма, ибо ниже будет показано, что в полемическом задоре Чайковский путает эти две разные вещи.

Таким образом, критических замечаний Чайковского явно недостаточно для его вывода о неудовлетворительном научном уровне нового издания [1, с. 137]. Разгрома не произошло. Часть его претензий весьма спорна, другая — не подкрепленные ничем предположения, третья связана с его своеобразным пониманием дарвинизма и стремлением уличить всех его приверженцев в апологетике и в желании скрыть какие-то дарвиновские взгляды.

Анализ второй работы в обзоре Чайковского носит иной характер. Здесь, по сути дела, выдвигаются две претензии. Во-первых, не так составлены комментарии. Во-вторых, не те работы включены в сборник. В итоге — сборник неинтересен для читателя.

Что касается первого замечания, то о работе любого автора, в том числе комментатора, надо судить по тому, что он сделал, а не по тому, что сделал бы рецензент. Вполне понятно, что у Чайковского, давнего пропагандиста научного наследия Любищева, другие подходы к пониманию отдельных мест в тексте Любищева. И, как говорится, Бог в помощь. А вот суждения о причинах трагедии Галилея выглядят весьма легковесными.

Странно и предложение Чайковского включить, — видимо, для «оживляжа» — в сборник, посвященный деятельности Любищева в защиту отечественной биологии, его сочинения «Об идейном наследии Гоголя» и «Расцвет и упадок цивилизаций». Историку науки важны именно такие, как в сборнике, подборки документов для воссоздания объективной картины многолетней борьбы с лысенковщиной. Интересно знать не только аргументацию Любищева, но и круг лиц, которых он вовлекал в эту борьбу, их реакцию и т.д. Если же идея коммерческого успеха изданий известного биолога так волнует Чайковского, то почему он столь высоко ценимые им рукописные сочинения Любищева не включил в подготвленный совместно с С. В. Мейеном сборник статей ученого «Проблемы формы, систематики и эволюции организмов» (1982)? А ведь и в нем неизбежно много повторов и в идеях, и в способах их аргументации, хотя это никоим образом не снижает его ценности. В общем, из всех этих суждений Чайковского как-то не получается вывод о «кризисе российской истории науки».

Но в обзоре Чайковского есть более серьезные высказывания, касающиеся общей картины развития биологии в нашей стране в послеоктябрьский период.

Это прежде всего попытка реабилитировать лысенковщину, отнеся ее к дарвинизму [там же, с. 142]. Между тем уже давно в литературе показано, что лысенковщина не являлась научным направлением. Это одно из социально-политических явлений периода сталинизма. «Научная теория» лысенковцев — это уродливая мешанина каких-то обломков науки, не связанных друг с другом, и доннаучных верований. Как можно относить не только к дарвинизму, но и к науке вообще эту «теорию», если в ней начисто отрицалось все развитие генетики в XX в.! Генетика, которая, кстати, стала главной опорой синтетической теории эволюции, т.е. современного дарвинизма. Тот факт, что обломки науки, которые включены в лысенковщину, заимствованы в искаженном виде из различных разделов настоящей науки, не меняет существа дела. В лысенковщине [10, 11] можно найти обломки номогенеза Л. С. Берга [12], исторической биогеотики Д. Н. Соболева [13] и филогенетического преформизма А. А. Любищева [14]. Напомним: закономерность (номогенез) — «наука — враг случайностей» (лысенковщина); массовая перекачка особей на больших территориях (номогенез) — целенаправленная переделка природы организмов на больших территориях (лысенковщина); эволюция идет массовыми скачками (номогенез) — внезапное порождение новых видов (лысенковщина). Да и наследование приобретаемых признаков, а также отрицание творческой роли борьбы за существование создают иллюзию схождения взглядов некоторых представителей номогенетических концепций с лысенковщиной. Однако вряд ли кому из знакомых с азами эволюционной теории придет в голову по этим совпадениям предполагать схождение, а тем более родство, лысенковщины и номогенеза. А Чайковский столь ответственное заключение делает лишь исходя из признания и Дарвином, и Лысенко принципа наследования приобретаемых признаков, который, кстати, полностью был отвергнут дарвинистами в 40—70-х гг.

Чайковский игнорирует тот факт, что в основе трагедии, которая разыгралась вокруг лысенковщины, была борьба не за те или иные научные принципы, а за свободу науки против подчинения ее приказам сверху. Поэтому в ней участвовали математики, физики, химики и т.д. Поэтому в одном лагере, лагере науки, были дарвинист В. Н. Сукачев и антидарвинист А. А. Любищев. И поэтому лысенковцы били одновременно и номогенетику Л. С. Берга и дарвиниста Н. К. Кольцова. Но именно дарвинисты, а не антидарвинисты начали борьбу с мракобесием и в течение десятилетий вели ее, платя за это кровью.

Попытка оправдать лысенковщину, ввести ее через черный ход в настоящую науку — это оскорбление священной памяти Н. И. Вавилова, Г. Д. Карпеченко, Г. А. Левитского и Л. Г. Говорова. И не надо изображать А. А. Любищева таким «корректным» противником Лысенко! Искажая слова Любищева [1, с. 142], Чайковский пишет, что тот «допускал» та-

кие выражения, как «лысенковский бред», но в качестве антитезы «тому ценному, что дал Лысенко». На самом деле о «ценном» говорил не Любищев, а его оппонент — лысенковец П. А. Генкель. Любищев же все это «ценное» считал бредом. Подлинное отношение «корректного» Любищева к лысенковщине сформулировано им кратко и точно: «позорное и грязное пятно на истории нашей науки» [3, с. 130].

Чайковский настойчиво проводит мысль о государственном характере дарвинизма и объявляет августовскую сессию «кульминацией процесса» его огосударствления. Это даже смешно. «Творческий дарвинизм», восторжествовавший на сессии, как ясно любому добро совестному исследователю, был на самом деле тем же «лысенковским бредом», антинаукой, пытавшейся натянуть на себя научные одежды. Жертвами этой сессии стали прежде всего дарвинисты и генетики. Она была проведена именно потому, что дарвинисты и генетики, несмотря на гибель Н. И. Вавилова и его соратников, продолжали сопротивляться Лысенко, а значит, и стоявшему за его спиной Сталину. И их надо было добить.

Что же касается «конгениальности марксизма и дарвинизма», в которой еще в годы гражданской войны «убеждал молодого Бухарина» Тимирязев, в то время как «ВЧК отлавливала первых инакомыслящих ученых» [1, с. 141], то спору нет: в начале 20-х гг., да и после, многие старались уверить власти предрержащие, что именно их научные взгляды наиболее полно соответствуют диалектическому материализму (об этом см. [15, с. 10, 15, 18]). Не избежал этого искусства и А. А. Любищев [14], что отнюдь не может быть поставлено ему в вину. Как не виноваты ни он, ни другие сторонники номогенеза (Л. С. Берг и Д. Н. Соболев) в том, что остались живы и трудились, когда их оппоненты — дарвинисты и генетики — гибли в сталинских лагерях или изгонялись с работы и т.д.

При условии конгениальности марксизма и дарвинизма (в данном случае под марксизмом, видимо, понимаются не взгляды самого Маркса, а их интерпретация Сталиным и его идеологами) остается неясным, почему главный удар сталинского репрессивного молота пришелся в области биологии именно по дарвинизму и генетике.

Чайковский, утверждая, что в трагические дни августовской сессии с обеих сторон сражались люди одного типа, «в то время как подлинно нравственные герои давно были устранены» [1, с. 143], соглашается с мыслью Любищева о невозможности обновления науки, где «соединены ученые с бандитами». От историка науки хотелось бы узнать, кого из противников Лысенко он считает «бандитами» и относится ли его высказывание о моральной однообразии сторонников и противников Лысенко к Д. А. Сабину, И. А. Рапопорту, В. С. Кирпичникову, В. П. Эфроимсону и многим другим, заслужившим славу рыцарей науки, а по существу спасшим ее честь в те трагические дни.

Хочется верить, что Чайковский сам не ведает, что творит. Но, отождествив дарвинизм с лысенковщиной, жертвы, хоть и героически сопротивлявшиеся, с их палачами, он, по сути, продолжает дело организаторов и исполнителей августовской сессии ВАСХНИЛ, пытается морально добить тех, кто не был сломлен сталинской кликой. Только стремление внести свою лепту в шельмование дарвинизма — на этот раз с учетом политической конъюнктуры сегодняшнего дня — можно объяснить тезис Чайковского о лысенковщине как худшем варианте дарвинизма [там же, с. 142]. И после такого тезиса он еще сетует на излишнюю апологетичность отечественного дарвиноведения!

Кстати, и на Западе чрезмерная апологетика дарвинизма не столь уж редкая вещь, что объясняется существованием мощного общественного давления со стороны «научных креационистов». Ведь, пожалуй, нет такой сферы науки, кроме эволюционной теории, где каждый не только имеет свою точку зрения на ее проблемы, но и считает своим долгом разъяснить ученым-специалистам их заблуждения.

Действительно, все 75 лет коммунистического режима дарвинизм объявлялся естественно-научной основой марксизма. Но даже Чайковский не сможет отрицать, что до 1965 г. практически во всех учебных заведениях страны преподавалось что-то, не имеющее ничего общего с современной теорией естественного отбора. Да и потом перестройка учебных планов, создание пособий шли весьма тяжело. И странно слышать о полном искоренении лысенковщины после 1965 г. В противовес этому тезису напомним о работах палеонтолога Л. Ш. Давиташвили, микробиолога Н. Н. Жукова-Вережникова, ихтиолога Г. В. Никольского, философов Г. В. Платонова и А. Е. Фурмана, опубликованных в конце 60-х—70-е гг. Неужели только по двум брошюрам в защиту лысенковщины Чайковский судит об общем состоянии эволюционной теории в нашей стране? А если вспомнить, что уже начиная с середины 70-х гг. в философской литературе, и прежде всего в трудах сотрудников ведущих «марксистских» учреждений: Института философии, философского факультета Московского университета, — все усиливалась критика дарвинизма на этот раз уже с позиций неомогенеза, то мысль о конгениальности государственного марксизма и современного дарвинизма не выглядит столь убедительной.

Более шепетильным историк науки должен быть и в оценке причин изменения эволюци-

онных взглядов Вавилова. Простое сравнение различных текстов ничего не говорит о социальных причинах этого. Становится непонятным, почему целая группа биологов Германии, Англии и США в конце 20-х—начале 30-х гг. (в том числе Б. Ренш, Э. Майр) изменила свои воззрения в пользу теории естественного отбора. Об этом хорошо рассказано в книге «Эволюционный синтез» [16], в написании которой участвовали практически все крупнейшие немецкие, английские, французские и американские биологи-эволюционисты и историки эволюционной теории. Без всякого давления со стороны государственного аппарата Ф. Добржанский не стал сторонником номогенеза, хотя в течение двух лет был близок к этому [там же, с. 233]. Не к лицу человеку, считающему себя историком биологии, лишь на основе сверки текстов различных лет судить о причинах изменения взглядов Вавилова, обвиняя его фактически в измене идейным установкам под влиянием внешних условий. И это о человеке, который жизнь отдал за свои научные убеждения!

Произведя «кастрацию» названия работы Вавилова «Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости» (см. [1, с. 146, п. 15]), можно убедить себя, что генетик Вавилов называл параллельную изменчивость гомологичной прежде всего по аналогии с химией, а не по соображениям наследственного сходства [там же, с. 140]. Но для читателя, знакомого с трудами Вавилова, а не с их названиями в интерпретации Чайковского, такой вывод не следует автоматически за произведенным автором обзора сокращением этого названия на три слова — «в наследственной изменчивости».

Чтобы закончить с вопросом о лысенковщине, надо подчеркнуть, что история этой антинауки является разделом не столько истории науки, сколько истории КПСС. По мере открытия партийных архивов, в первую очередь архива ЦК КПСС, данный тезис получает всё новые подтверждения. То, что начало критики Лысенко санкционировано в 1952 г. самим Сталиным, было известно уже тогда. (Чем вызвано такое решение Сталина, не знаем. Самое вероятное: ему надоело существование еще одного «корифея», хотя бы и маленького, и он решил покончить с ним, как незадолго до этого сделал подобное с Н. Я. Марром. Впрочем, искать объяснений поступков Сталина, который к концу жизни и Ворошилова считал английским шпионом, мы не беремся.) Тем не менее бороться с лысенковщиной, преодолевая упорное сопротивление партийно-цензурных органов, которые изобиловали лысенковцами, было нелегко. Трагедия уже кончилась, но драма продолжалась. Напомним, что из отпечатанного тиража второго номера «Ботанического журнала» за 1958 г. по указанию ЦК КПСС была вырезана антилысенковская резолюция Совета Всесоюзного ботанического общества, а после публикации в восьмом номере за тот же год третьей антилысенковской редакционной статьи по указанию Н. С. Хрущева была разогнана редколлегия. Еще через пять лет был поднят невероятный скандал в связи с публикацией статьи Ж. А. Медведева и В. С. Кирпичникова в третьем номере журнала «Нева» за 1963 г. А после непродолжительного всплеска критики в 1964—1966 гг. начальство снова заткнуло рот дарвинистам. В конце 60-х гг. кромсались работы Л. Я. Бляхера и А. Е. Гайсиновича лишь за попытку рассмотреть научные аргументы лысенковистов. Из советских авторов только эмигрировавшим Ж. Медведеву, М. Поповскому и С. Резнику удалось опубликовать, но, увы, за границей, правду о лысенковщине. Да и в годы перестройки, еще в 1987 г., с «боем» на страницы литературно-общественных изданий прорывались и роман Дудинцева «Белые одежды», и статья Тахтаджяна о Вавилове. И все это в условиях господства «казенного», «огосударственного», по мнению Чайковского, дарвинизма. А сколько «казенным дарвинистам» П. М. Жуковскому, К. М. Завадскому и А. Б. Георгиевскому пришлось приложить сил, чтобы труды Л. С. Берга по проблемам эволюции увидели свет в 1977 г.

Чайковский как человек, знакомый с ходом подготовки к выходу в свет «Развития эволюционной теории в СССР», мог бы вспомнить, сколько пришлось преодолеть преград, чтобы в 1983 г. практически впервые за предшествующие пятнадцать лет появилась правда о лысенкоизме и нанесенном им вреде отечественной биологии, было рассказано о работах советских биологов-эмигрантов и напечатан портрет Н. В. Тимофеева-Ресовского. Ни издателей, ни цензоров не интересовало, сколько раз цитируется Мейен, Берг, Любищев. А вот за упоминаниями лысенковских работ следили строго.

Вопрос об отношении дарвинизма и марксизма во всех странах, в том числе с коммунистическим режимом, как у нас, всегда был далеко не прост; по нему написано много литературы на Западе. И решать его между делом при анализе изданий трудов Дарвина и Любищева не к лицу историку биологии.

Мы не останавливаемся специально на безапелляционном заявлении Чайковского о том, что К. А. Тимирязев не был эволюционистом. Об этом рецензент узнал не из работ Тимирязева, а из знакомства с «его личной библиотекой» (?). У каждого, конечно, свой источник знаний. Но объявить Тимирязева ответственным за лысенковщину — это все равно что возложить на И. П. Павлова вину за объединенную «павловскую» сессию 1950 г. Остается только гадать и по поводу того, как Тимирязев попал в ряды дарвиноведов. И кто такие отечественные дарвиноведы, которые

своей апологетикой внесли «лепту... в общее отставание нашей биологии» [там же, с. 144]? По наивности мы всегда думали, что дарвиноведы — это люди, изучающие творческое наследие Дарвина. Но в таком случае к их числу у нас в стране можно отнести А. Д. Некрасова, С. Л. Соболя, отчасти А. Е. Гайсиновича. Лишь в последние десятилетия появились дарвиноведческие публикации Я. М. Галла, М. Реммель, Н. Г. Рубайловой, Ю. В. Чайковского. Но вряд ли их можно считать виновными в отставании нашей биологии. Возможно, Чайковский относит к дарвиноведам всех, кто выступал в России в защиту дарвинизма, но тогда к ним надо причислить А. Н. Северцова, Н. И. Вавилова, С. С. Четверикова, Н. В. Тимофеева-Ресовского, Ф. Г. Добржанского, В. Н. Сукачева и многих других. Считает ли и их Чайковский ответственными за отставание нашей биологии? И от кого она отстает, если уже через несколько абзацев мы узнаем от Чайковского, что зарубежные исследования основываются на этой самой отсталой советской науке. Теперь об анализе Чайковским зарубежных работ.

Книги американских авторов А. Вучинича и Д. Тоудеса названы им в числе характерных для кризиса истории российской биологии, но, увы, они практически только упоминаются. Приходится верить на слово, что книги неудовлетворительны, так как их авторы «ничего не знают о Любищеве» [там же, с. 144] и не учитывают работы Чайковского, а доверяют только «казенной советской науке» (об этом термине позднее) и в результате попадают в королевство «кривых зеркал», в котором автору страшно и из которого он не видит выхода [там же, с. 145]. Здесь ясно прослеживается, что и отечественной, и зарубежной истории биологии попадает за то, что идут «не в ногу» с Чайковским.

Еще мимо одного высказывания мы не можем пройти: о схождении дарвинизма «с исторической сцены» [там же, с. 143]. Хотелось бы узнать, на основе чего сделан столь глобальный вывод? Достаточно посмотреть хотя бы реферативный журнал по общей биологии за последние десятилетия, чтобы убедиться, что слухи о смерти дарвинизма явно преувеличены. В странах Западной Европы и Северной Америки эволюционные работы с позиции теории естественного отбора по-прежнему доминируют над работами сторонников других концепций эволюции, будь то теория прерывистого равновесия С. Гулда и Н. Элдриджа или же организменные, системные теории эволюции Р. Риедля, В. Гутмана, Ф. Вюкетиса, М. Вайдегартена и др. Конечно, истина не решается большинством голосов. Но столь ответственные суждения в научной литературе принято как-то подкреплять. Иначе вспоминается восточная поговорка: «Если ты очень ждешь друга, не принимай биение своего сердца за стук копыт его коня».

Теперь о выражении «казенная наука». Что сие означает — опять неясно. Может быть, то, что «казенные историки» получают зарплату от государства? Как нам известно, сам Чайковский не на общественных началах занимается историей науки. А может быть, ему вспомнилось, что столь явно нечтимый им «казенный историк» Б. Е. Райков оказался в казенном доме, а потом, уже в 1930 г., и на строительстве Беломорканала, а многие попали в эти казенные дома позднее? Но если здесь подразумевается государственная поддержка определенного научного направления, то на этот счет было сказано выше.

Мы видели, сколь скрупулезен Чайковский в анализе справочного материала. В этой связи весьма любопытны приведенный им список литературы. Так, в описании книги Дарвина «Происхождение видов» приведены все лица, причастные к изданию, вплоть до рецензентов. Сборник статей и писем Любищева дан уже без рецензентов. В описании же книги «Развитие эволюционной теории в СССР» опущены даже ответственные редакторы С. Р. Микулинский и Ю. И. Полянский. И, наконец, кто вообще причастен к выходу книги (монографии или сборника?) «Методологические принципы современных исследований развития науки (Галилей)» — остается только гадать. Но мы уверены, что Галилей здесь ни при чем. Без указания редактора Р. Стаффера непонятно описание «Charles Darwin's Natural Selection». Яблоков ошибочно назван среди редакторов и комментаторов академического издания «Происхождение видов», а в описании книги «Происхождение видов: Книга для учителей» он же с Медниковым именуется не комментаторами, как это написано на титульном листе, а «перераб.». Что это значит, мы можем лишь догадываться. Комментарии, как говорится, излишни. Здесь речь уже не идет о теории ошибок. Это сплошная халтура. И стоит ли после этого обижаться, что автора работ с подобным справочным аппаратом не цитируют. Уместно напомнить рекомендацию, которую так любил повторять С. В. Мейен: «Врач, излечись сам».

Последний абзац преамбулы рецензии Чайковского звучит так: «Нет, я не хочу уравнивать четыре совсем разных труда (каждый в своем роде — достижение), но считаю долгом отметить, что все они по-своему отражают тяжелый кризис российской истории науки» [там же, с. 137]. Но написанное самим Чайковским, как зеркало, оказалось кривым. Дело даже не в том, справедливы или нет критические замечания и оценки книг, «попавших почти одновременно» в руки рецензента. Здесь другая проблема. Могут ли быть достаточно репрезентативны для понимания состояния отечественной истории биологии четыре историко-научные публикации? Ведь если Чайковский в своих экскурсах добирается до работ Б. Е. Райкова, то для характеристики «позднесоветской» литературы следовало бы взять труды Л. Я. Бляхера, К. М. Завадского,

Э. Н. Мирзояна, В. Н. Гутиной, Л. В. Чесновой, Н. А. Григорян и многих других. Да и «послевоенная» литература обогатилась за последние годы публикациями В. И. Назарова и В. П. Соифера; множеством сборников и коллективными монографиями о науке и власти в СССР; воспоминаниями Н. П. Дубинина, С. М. Гершензона, В. Я. Александрова, Р. Л. Берг. Мы уже не говорим о переиздании переработанных книг И. Т. Фролова и А. Е. Гайсиновича, трудах зарубежных авторов: М. Адамса, Л. Грэхэма, Д. Винера, Д. Пол, Дж. Рогерса и др. Иначе создается впечатление, что книги случайно «попадали» в руки Чайковского, потом откладывались с досадой в сторону, вспоминались попутно некоторые другие досадившие ранее публикации и вердикт готов: «распад истории науки» есть лишь малая составляющая «распада научного сообщества» [там же, с. 145]. Неясно только, распад какого сообщества — нашего или американского — отражают публикации американских историков науки, которых Чайковский также числит по ведомству «русской истории науки», а не хотя бы истории российской биологии или истории биологии России? И в чем проявляется «тяжелый кризис» историографии и как его преодолеть?

В обзоре Чайковского ответов на эти вопросы нет. Нельзя же серьезно относиться к заключительному разделу об открывающемся целом пласте проблем: «как убедить начинающих, что надо искать и учиться, если они видят совсем иное — достичь успеха и признания легче, как раз не учась и не ища? Естественно, такие историки, занятые лишь маркировкой и охраной индивидуальных участков (как мы видим это по аппарату издания [1]*), ничего полезного для конкретных наук дать не могут» [там же, с. 145—146].

Обругать и оскорбить коллег легко. Тем более что самым большим обвинением служит открытие «общего, потайного», что объединяет все четыре книги, — «давней традиции "что знаем, о том и пишем"» [там же, с. 139]. Теперь Чайковский обещает рассказать в отдельной статье, как создать систему обучения истории науки. Видимо, как научить писать о том, чего не знаешь...

Ох, жива еще другая традиция — «раннесоветского» райкинского героя: «Зачем мне учиться, если я могу учить других».

Список литературы

1. Чайковский Ю. В. О классиках и комментаторах // ВИЕТ. 1992. № 4.
2. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора / Отв. ред. А. Л. Тахтаджян; Науч. ред. Я. М. Галл, Я. И. Старобогатов, А. Л. Тахтаджян. СПб., 1991.
3. Любищев А. А. В защиту науки: Статьи и письма (1953—1972) / Сост. Р. Т. Баранцев, Н. А. Папчинская; Ред. и коммент. М. Д. Голубовского. Л., 1991.
4. Vucinich A. Darwin in Russian thought. Berkeley etc., 1988.
5. Todes. D. Darwin without Malthus. The struggle for existence in Russian evolutionary thought. N. Y., 1989.
6. On the origin of species by Charles Darwin. A Facsimile of the first edition with an introduction by Ernst Mayr. Cambridge, Massachusetts, 1954.
7. Charles Darwin's Natural Selection being the second part of his big species book written from 1856 to 1858 // Ed. R. S. Stauffer. Cambridge, 1975.
8. Kohn D. Darwin's principle of divergence as internal dialogue // Darwinian heritage. Princeton. New Jersey, 1985. P. 245—258.
9. Osprovat D. The development of Darwin's theory. Cambridge, 1981.
10. Лысенко Т. Д. Агробиология. М., 1948.
11. Лысенко Т. Д. Новое в науке о биологическом виде // Агробиология. 1950. № 6. С. 15—25.
12. Берг Л. С. Номогенез или эволюция на основе закономерности. СПб., 1922.
13. Соболев Д. Н. Начало исторической биогенетики. Симферополь, 1924.
14. Любищев А. А. Понятие эволюции и кризис эволюционизма // Изв. Биол. НИИ при Перм. гос. ун-те. 1925. Т. 4. Вып. 4. С. 137—153
15. Колчинский Э. И., Орлов С. А. Философские проблемы биологии в СССР (1920—1960-е гг.). Л., 1989.
16. The evolutionary synthesis: perspectives on the unification of biology / Ed. E. Mayr, W. Provine. Cambridge, 1980.

Э. И. Колчинский (СПбФ ИИЕТ РАН),
Д. В. Лебедев (Комиссия РАН по изучению науч. насл. Н. И. Вавилова),
Ю. И. Полянский (чл.-корр. РАН, Ин-т цитологии РАН)

*То есть издания «Происхождения видов».